

СУДЬБА ОПЕРА

Эмир Садыков

Эмир Садыков

Судьба опера

«Автор»
2026

Садыков Э.

Судьба опера / Э. Садыков — «Автор», 2026

Это не художественный вымысел и не детектив ради интриги. Это честные воспоминания сотрудника милиции о службе в непростые 90-е, где каждый день был экзаменом на характер, а слово значило больше, чем красивая фраза.Перед вами путь Фаиля Алимова — от деревенского парня и водителя автобуса до оперуполномоченного, прошедшего и патрульные будни, и командировку на Северный Кавказ. Вы увидите службу «изнутри»: утренние сводки, работу с документами, тонкости взаимодействия с людьми, когда важнее не формальность, а умение услышать. Здесь есть и татарская свадьба как живая традиция, и портреты настоящих наставников, и суровая правда блокпоста, и тихий, но твёрдый принцип героя: «Слово держу».Эта книга — знак уважения к тем, кто служил в советской милиции, и напоминание, что настоящая служба — это прежде всего ответственность перед людьми. Для тех, кто помнит, и для тех, кому важно знать, какой ценой держался порядок в девяностые.

© Садыков Э., 2026
© Автор, 2026

Эмир Садыков
Судьба опера

Часть первая. Фаиль Алимов. Знакомство.

Я, начальник милиции, знакомился с вновь назначенными сотрудниками. В моем кабинете напротив меня сидел молодой начальник отделения по борьбе с угонами и кражами автомашин - капитан милиции Фаиль Алимов. В девяностые годы эти преступления были самыми распространенными: ежедневно совершалось по нескольку угонов и краж транспортных средств. Город будто жил в ритме чужих исчезнувших машин - каждый новый день начинался с новой сводки, и за каждой цифрой стояла чья-то беда.

Фаиль был уже опытным оперативником - не по годам, а по делам. На столе у меня лежала сводка: три угона за сутки, два вскрытых гаража, один разбитый «Жигуль» на пустыре. Цифры сухие, но за каждой - чужая беда, а для нас - работа без выходных. Я не стал с ним заниматься розыскным ликбезом: если человек столько лет в розыске, он знает цену каждой минуте. Просто выслушал его короткий, по-деловому собранный доклад без воды, без лишних оправданий.

- Без оперативной информации такие преступления раскрывать сложно, - напомнил я, скорее не как указание, а как общее правило, которое нельзя забывать ни при какой спешке. - Поэтому обращаю твое внимание на качественное улучшение работы с информаторами. Не ради отчетов, а ради дела.

- Не сомневайтесь, товарищ полковник! - ответил Фаиль, и в его голосе, хоть и молодом, слышалась та самая уверенность, которая рождается не из бравады, а из привычки отвечать за своих людей и за каждый раскрытый эпизод. Мне даже показалось, что он чуть выпрямился, будто хотел не столько показать уверенность, сколько подтвердить ее для себя: да, нагрузка огромная, да, город бурлит, но он справится.

- Ты знаешь, Фаиль, - добавил я уже спокойнее, почти по-отечески, хотя сам был не намного старше, - умение общаться с людьми для сыщика - это залог успеха. Не только допрашивать, не только искать, а слышать. Кто-то скажет лишнее слово просто потому, что ему дали выговориться. А это слово потом может вывести на целую цепочку.

Он кивнул, не отводя взгляда. В этом кивке было и «понял», и «сделаю», и даже немного «спасибо, что не читаете нотаций». И я вдруг подумал, что именно такие, как он - собранные, не растерявшие внутреннего стержня среди всей этой суеты, - и держат отдел.

За окном гудел город, где каждый второй двор мог стать местом очередного угона, а здесь, в кабинете, на несколько минут стало тише. Мы еще не знали, какие дела нам предстоит распутывать, какие ошибки совершать и какие победы выцарапывать у этой беспокойной эпохи. Но начало было положено, причем не приказом, не разбором полетов, а простым разговором двух людей, которые понимали, что работа у них одна и цена у нее - высокая.

А потом, когда совещание закончилось и Фаиль вышел, я задержался у двери кабинета, глядя, как он быстрым, уверенным шагом идет по коридору. И мне вдруг захотелось понять, откуда в нем эта собранность, эта привычка не терять ни минуты. Словно в нем соединились и деревенская основательность, и городская хватка, и железная дисциплина службы. И тогда я попросил принести его личное дело. Прочитал и поймал себя на мысли, что сухие строки приказов не расскажут главного. Я хочу услышать эту историю от него самого, именно так, как она жила в его памяти.

И однажды вечером, когда город уже приглушил свой дневной шум, мы с ним сели в пустом кабинете, и Фаиль заговорил спокойно, будто возвращаясь туда, где все начиналось.

- Я сам все это помню, будто вчера было, - начал он, чуть наклонив голову, словно отгоняя лишние мысли и оставляя только главное. - Два года отслужил в Советской армии, вернулся в родное село и сразу в школу: учителем физкультуры и труда. Да еще и краснодеревщиком был,

руки сами просились что-то мастерить. Ребят учил не только турник проходить, но и рубанок держать, доску ровно пилить. И знаете, нравилось мне это: когда мальчишка впервые что-то своими руками соберет, у него глаза горят, и у меня от этого на душе тепло становилось. Коллеги меня уважали, ученики тоже. Старшие учителя как-то по-свойски, вполголоса, говорили: «Из тебя, Фаиль, со временем директор выйдет. Спокойный, справедливый, ребята за тобой идут».

Только вот… тесно мне в деревне было. Не то чтобы я родное место не любил - любил, да еще как. Но три года учебы в городе свое дело сделали, я Ульяновск вдоль и поперек исходил, каждую улицу знал, с местными ребятами общий язык нашел, понимал, как себя вести, где слово твердое сказать, а где промолчать. И была у меня мечта - водить «Икарус». По тем временам это был самый крутой автобус: желтый, длинный, солидный. Город на нем держался, он по главным улицам ходил, людей возил. Мне казалось, что если я сяду за руль такого, то и сам стану частью большого движения, частью города.

И вот я выучился на водителя и устроился в автобусный парк. Первое время ко мне приставили наставника - Николая Евграфова. Все звали его дядя Коля. Он на меня посматривал с хитрой улыбкой и говорил: «Ты как кот в мешке - неизвестно, что от тебя можно ожидать. Очень шустрый, молодой, ранний». Но я очень старался: маршрут выучил до последней остановки, всех постоянных пассажиров запомнил. Кто на какой остановке выходит, кто газету читает, кто с работы уставший, кому слово доброе скажи - и человек уже улыбается.

Бывали и смешные случаи. Однажды один пассажир козу в салон привел. Народ зашумел, возмущаться начал: «Да что же это, нам ехать, а тут коза!» А мужчина чуть не плачет: «Срочно надо к ветеринару, а в такси ее не берут». Я подумал секунду и говорю: «Ладно, только тихо пусть сидит». Так и поехали. Пассажиры ворчали, но потом даже смеяться начали: коза стояла смирно, будто сама понимала, что дело серьезное. После этого случая про меня в парке говорили: «У Фаиля сердце есть - не только правила знает, но и людей видит».

Так бы я и дальше водил свой «Икарус», слушал разговоры пассажиров, радовался, когда маршрут шел без задержек. Но судьба решила иначе.

Однажды утром я открыл переднюю дверь, и в автобус зашел мужчина в милицейской форме. Торопился, видно, на службу. Сел на переднее сиденье, кивнул мне, улыбнулся. Я сразу заметил, какой он статный, собранный - настоящий офицер. Это был Валерий Гуляев, командир взвода батальона ППС. Мы с ним разговорились сначала о пустяках, потом о жизни. Он так спокойно и уверенно говорил, что я невольно заслушался. А под конец он вдруг говорит: «Слушай, у нас в батальоне водитель нужен. Милиционер-водитель. Если хочешь, приходи в свободное время, посмотри, как служба идет».

Я сначала даже не поверил. Милиция… Это ведь не автобус вести. Там ответственность другая, опасность, срочность. Но его рассказ меня заинтриговал. И я согласился. Несколько дней после автобусных смен я ходил с нарядами ППС, дежурил, смотрел, как они работают. Видел, как быстро собираются по вызову, как важно, чтобы машина доехала без задержек, чтобы экипаж был на месте вовремя. И понял: это мое. Тут тоже нужны и собранность, и смекалка, и умение быстро принимать решения.

Так я и ушел из автобусного парка. Теперь я - рядовой милиционер-водитель. Моя задача - быстро, но аккуратно, в целости и сохранности доставить экипаж туда, где ждут помощи. Первые дни было непривычно: другая форма, другой ритм, другие требования. Но я старался. И когда в первый раз мы приехали на вызов, и старший наряда коротко кивнул мне - мол, все четко, вовремя, - я понял, что не зря выбрал этот путь.

Вот так и начались мои будни в милиции. Не про подвиги, не про громкие дела, а про то, как важно быть на своем месте и делать свое дело честно. И пусть кто-то скажет, что из учителя и водителя автобуса в милиционеры - путь странный. А я скажу: он самый правильный. Потому что везде нужны надежные люди - те, кто не подведет.

Шесть месяцев службы пролетели, как один день, будто город мерил не часами, а вызовами: то драка в переулке, то срочный выезд на окраину, то помощь на дороге. Каждый раз я гнал машину, чувствуя, как важно не просто быстро доехать, а довезти экипаж целым и невредимым, чтобы ребята могли сделать свое дело. И каждый раз, когда старший кивал: «Вовремя, четко», - у меня внутри будто пружина подтягивалась - значит, я на своем месте.

А потом пришел приказ: меня направляют на учебу - в школу первоначальной подготовки сотрудников органов внутренних дел при УВД Ульяновской области. Сначала немного тревожно стало: вдруг не потяну? Но стоило только войти в учебный корпус, вдохнуть этот особенный запах - свежей краски, полированного дерева и чуть терпкого запаха оружейной смазки, и тревога ушла. Здесь все было по-взрослому, по-настоящему.

Преподаватели все с опытом, с сединой на висках и с такой спокойной уверенностью, будто они не просто учили, а передавали дело жизни. Криминалистика, основы оперативно-розыскной деятельности - все это было важно, но по-настоящему мое сердце билось чаще на занятиях по самбо. До армии я занимался классической борьбой, и многие приемы были мне знакомы, но самбо - это уже не про спорт, это про выживание, про то, как удержать, не причинив лишнего, как защитить себя и напарника. Я ловил каждое движение инструктора, запоминал углы, точки опоры, дыхание в момент приема. И вскоре мне казалось, что я смогу задержать любого не из бравады, а потому что чувствовал свое тело, которое уже знает, как действовать.

Стрельба тоже давалась легко. Пистолет ПМ я мог разобрать и собрать с закрытыми глазами, пальцы сами находили каждую деталь. На практических занятиях по стрельбе я старался не просто попадать в мишень, а чувствовать оружие: как оно ложится в руку, как отзывается на нажатие, как важно держать спокойствие даже тогда, когда время идет на секунды. Инструктор однажды кивнул мне: «У тебя рука уверенная. Но помни: стрелять - последнее дело. Главное - не допустить, чтобы дошло до этого».

Полгода учебы пролетели, как хороший маршрут: каждая остановка была важна, но взгляд все равно тянулся к конечной. Экзамены сдал успешно, и вот оно - первое звание: сержант. Форма сидела уже не так, как в первые дни, а будто приросла, стала своей. Вернулся в батальон ППС и почувствовал, что теперь я не просто водитель, а полноценный член экипажа, готовый не только везти, но и действовать.

Но чем больше я втягивался в службу, тем яснее понимал, что хочу большего. Не просто быть в строю, а хочу быть там, где распутывают узлы, где ищут ответы там, где их, кажется, и нет вовсе. Захотел стать сотрудником уголовного розыска. Офицером, который не ждет вызова, а сам идет по следу.

Недолго думая, я написал рапорт о направлении на заочное обучение в Среднюю специальную школу милиции. И меня направили - в Елабугу.

Когда я впервые увидел город, он будто сразу дал понять: здесь все серьезно. Елабуга - старинный купеческий город, тихий, но с характером: каменные дома с лепниной, узкие улочки, по которым будто еще слышны шаги прежних времен, и над всем этим - высокий берег, откуда открывается вид на слияние рек. В этом городе история не пряталась в книгах, она стояла на улицах, смотрела с фасадов, лежала в камнях мостовых.

И школа милиции здесь была под стать городу, такая же строгая, основательная, без лишней суеты. ЕССШМ - Елабужская средняя специальная школа милиции - встретила нас не как мальчишек, а как действующих сотрудников. В строю стояли сержанты и младшие лейтенанты, у каждого за плечами свои участки, свои ночные выезды, утренние отчеты и десятки «пробежек» по дворам в поисках подозреваемого по приметам. Среди нас были и те, кто уже побывал в горячих точках, прошел боевые условия, для них любая учебная «экстремалка» была лишь бледной тенью того, что они уже видели.

Мы ведь были заочниками - действующие сотрудники ППС, люди улицы. Моя работа была простой и жесткой: патрулирование, розыск по приметам, погони на патрульной машине, задержания прямо на тротуаре, когда счет идет на секунды. Из документов я в основном писал рапорт о задержании: время, место, основание, приметы, действия экипажа. Все остальное - протоколы, опросы, изъятие - делали другие службы, но именно от моего рапорта зависело, устоит ли дело. И именно поэтому заочное обучение было для меня особенно важным, так как нужно было научиться так оформить самое главное, чтобы задержанного не отпустили через час из-за какой-нибудь мелочи. В девяностые это было критично: суды цеплялись за любую неточность, а защита становилась все жестче.

Первая сессия началась с построения на плацу. Зам по учебной части смотрел на нас без снисхождения:

- Вы не курсанты. Вы уже работаете. Значит, от вас ждем не зубрежки, а понимания того, как это ложится на вашу реальную службу. Если скажете: «У нас на участке так не делают», я хочу слышать не жалобу, а вопрос: «Как сделать правильно, если условия вот такие?»

Преподаватели у нас были старшие офицеры с большим опытом службы. Они сразу понимали, кто перед ними: не теоретики, а те, кто каждый день стоит лицом к улице. И когда преподаватель объяснял тему по криминалистике или по уголовному праву, мы нередко спорили, но не из упрямства, а потому что знали, как это выглядит «на земле». Для меня, как для водителя патрульной машины, многое звучало иначе, а именно, не «как составить протокол», а «как успеть зафиксировать самое важное, пока не уехал экипаж, не разошлись свидетели и не стерлись следы». В жизни не всегда получалось так, как написано в законе, а в девяностые к этому добавлялись еще и бытовые трудности, ведь милиционеры ППС зачастую сидели на местном бюджете, зарплату задерживали на месяцы, а работать приходилось в тех же условиях, с тем же риском. Преподаватели в какой-то степени соглашались с нами, но предупреждали, чтобы об этом не рассказывали очникам, поскольку последним пока важнее было усвоить «как положено», а нам - понять, «как сделать правильно в наших условиях».

Эти споры продолжались и в гостинице, где мы, заочники, жили по несколько человек в комнате. Ходили друг к другу в гости, делились не только примерами из дел, но и бытовыми историями, кто как выкручивается с деньгами, кто сколько дней не был дома. Между коллегами существовала настоящая взаимовыручка, если у кого-то кончались деньги, помогали, чем могли. В те годы это было не просто добротой, это был вопрос выживания и сохранения службы. За годы учебы мы жили дружно, и с некоторыми из них я продолжаю поддерживать отношения до сих пор.

Эти разговоры не мешали учиться, а скорее помогали. На следующий день мы снова стояли на плацу, готовые слушать не «как положено», а «как сделать правильно в наших условиях».

И мы старались. Лекции шли одна за другой, но слушали мы иначе, чем слушали бы год назад. Преподаватель по ОРД (оперативно-розыскная деятельность), специально для заочников, приводил пример:

- Допустим, вы задерживаете подозреваемого. Что дальше? Не просто «доставили в отдел», а цепочка: основание, время, место, понятые, протокол, отметка о разъяснении прав. Каждый шаг должен быть зафиксирован так, чтобы его мог проверить не только начальник, но и адвокат, и судья.

Я слушал и мысленно примерял это к своим делам. Вспоминал, как в прошлом году мы задержали парня по ориентировке, тогда я был за рулем, гнали по дворам, потом брали на выходе из подъезда. Все сделали быстро, четко, все по привычному алгоритму, без суеты. Но в рапорте я пропустил одну строчку, одну-единственную деталь, и этого хватило, чтобы задержанного отпустили. Тогда казалось, «Ну, мелочь, кто будет придираться?». А здесь учили,

что в нашей работе мелочей не бывает, даже если ты водитель и пишешь только рапорт, в нем должно быть все, что позволит делу устоять.

Особенно запомнился невысокий, с внимательными глазами преподаватель криминалистики. Он не любил абстрактных объяснений. Его метод был простым: остановить нас посреди улицы и спросить:

- Что видите?

Мы оглядывались: дома, тротуар, пустая скамейка, мусорный бак. Кто-то начинал перечислять: «Дом старый, штукатурка осыпается…»

А он качал головой:

- Не то. Вы смотрите, но не видите. Смотрите на скамейку. Почему на ней нет птичьего помета? Почему рядом нет окурков, хотя это место вроде бы удобное? А теперь посмотрите на угол дома: там тень падает не так, как должна. А на двери подъезда - свежая царапина, будто кто-то тащил что-то тяжелое и задел косяк…

В ту секунду я впервые понял разницу между «смотреть» и «видеть». Я ведь каждый день бегал по этим улицам, высматривал приметы, но не знал, как правильно фиксировать детали. Теперь же учили не просто замечать, а описывать так, чтобы любой мог восстановить картину: «Царапина на косяке, длина - около 12 см, направление - сверху вниз, края неровные, возможно, образована твердым предметом с острым углом». И эта точность в формулировках была критически важна, и если даже я, как водитель, делал только рапорт, эти детали помогали другим службам строить дело.

Между лекциями и разбором статей УПК нас ждали практические занятия. Однажды нас вывезли на отработку задержания прямо в городе. Сценарий простой: двое «подозреваемых» (старшекурсники) должны были выйти из подъезда и попытаться скрыться. Наша задача - задержать, не допустить сопротивления, оформить все по правилам.

Но когда они выскочили, все пошло не по сценарию. Один резко рванул в сторону, толкнул прохожего, тот вскрикнул. Второй выхватил макет ножа и пошел прямо на нас, крича что-то злое. В ту секунду мозг отказывался верить в «учебность», адреналин ударил так, что в ушах зазвенело.

Я действовал на рефлексах, шаг вперед, захват, фиксация, голос громкий, но ровный:

- Лежать! Руки за голову! Не двигаться!

Рядом Эдуард делал то же самое с первым. Все заняло секунды. Но когда мы их уложили и надели наручники, руки у меня тряслись.

Преподаватель подошел, посмотрел спокойно:

- Видите? В учебнике это абзац. На плацу - упражнение. А в жизни - это вот так: прохожий, крик, нож, который в ту секунду не макет, а реальная угроза. Ваша задача - чтобы рефлекс не подвел. И чтобы разум при этом не выключился.

Потом мы разбирали действия по секундам. Оказалось, я правильно дал команду, правильно выбрал дистанцию, но чуть раньше времени ослабил хват, и если бы это был настоящий преступник, он мог вырваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.